

The book cover features a dramatic illustration. On the left, a large, dark metal helmet with a narrow slit revealing a blue eye dominates the foreground. In the background, a group of soldiers in medieval attire are engaged in battle. Some are on horseback, while others are on foot, using bows and shields. A white flag with a black crescent and star is visible on the right. The bottom of the illustration is filled with bright, intense flames. The entire scene is set against a backdrop of ancient stone ruins.

АРАБСКИЕ ИСТОРИКИ
О ПРОТИВОСТОЯНИИ
ХРИСТИАНСТВА И ИСЛАМА
В СРЕДНИЕ ВЕКА

ФРАНЧЕСКО
ГАБРИЭЛИ

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ ВЗГЛЯД С ВОСТОКА

Франческо Габриэли

**Крестовые походы. Взгляд с
Востока. Арабские историки о
противостоянии христианства
и ислама в Средние века**

«Центрполиграф»

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

Габриэли Ф.

Крестовые походы. Взгляд с Востока. Арабские историки о
противостоянии христианства и ислама в Средние века /
Ф. Габриэли — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5343-2

Важнейшие события эпохи Священных войн обстоятельно и достоверно изложены в многочисленных сочинениях западноевропейских историков, тогда как свидетельства арабских авторов представлены избирательно и фрагментарно. Цель этой книги – рассказать историю Крестовых походов с точки зрения защитников ислама. Профессор Франческо Габриэли на страницах своей книги обобщил труды семнадцати авторов, среди которых такие именитые и авторитетные историки, как Ибн аль-Каланиси, Ибн аль-Атир и Абу-ль-Фида, а также биографы и соратники Саладина – Баха ад-Дин и Имад ад-Дин. Наряду с описаниями важнейших сражений, осад и дипломатических миссий, профессор Габриэли приводит короткие зарисовки о нравах франков, их обычаях и взглядах на жизнь, чуждых и непонятных арабским наблюдателям. Зачастую они носят сатирический характер и приносят юмор в повествование. Книга в целом дает ясную и точную в деталях картину периода войн за Святую землю. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-9524-5343-2

© Габриэли Ф.
© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	7
Библиографическая справка	13
Авторы и их труды	14
Часть первая. От Годфруа до Саладина	19
Глава 1	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Франческо Габриэли
Крестовые походы. Взгляд с Востока.
Арабские историки о противостоянии
христианства и ислама в Средние века

Francesco Gabrieli

Arab Historians of the Crusades

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2019

* * *

Предисловие

Задача настоящей книги – помочь европейскому читателю увидеть период Крестовых походов с другой стороны, глазами людей, бывших в то время врагами христиан. Такой опыт особенно интересен и дает много любопытной информации о средневековом конфликте между христианством и исламом, двумя цивилизациями, у которых было очень много общего. Они основывались на схожих религиозных концепциях, обладали схожей идеологией, и только их борьба за мировое господство привела к конфликту и заставила дойти до крайностей – до фанатизма. В наши дни фанатизма больше нет, по крайней мере среди христиан, но сражения продолжаются, да и причины остались теми же. Мы больше не говорим о кинжалах или молотах веры. Характерной чертой сегодняшнего дня является сочувственное и примирительное отношение к исламу, хотя у другой стороны позиция иная. Тем не менее насилие и антагонизм выплескивается со страниц средневековых хроник и трудов полемистов, и мы имеем обыкновение видеть «врагов» крестоносцев в свете старой религиозной и расовой ненависти, которую более поздние конфликты углубили и усилили. В поэме «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо Клоринда из лагеря Сулеймана желает умереть в своей христианской вере. Те, кто хотят подняться выше такого взгляда на историю и увидеть больше чем один аспект ситуации, должны проанализировать позиции и идеалы противника, его образ жизни и методы ведения военных действий, какими они представляются на страницах трудов арабских хронистов и историков Средневековья. Свидетельства, которые они представляют, такие же множественные и важные, как свидетельства их европейских современников. Конечно, лозунги меняются на прямо противоположные. Так, «сарацинская собака» сменилась «христианской свиньей», образ Гроба Господня – видением священной скалы, на которой стоял пророк в ночь своего чудесного вознесения на небеса, святого Готфрида вытеснил святой Саладин. В этой книге нет громких философских и религиозных заявлений. Мы всего лишь попытались предложить широкому кругу читателей подбор картин, созданных другой стороной, чтобы, по крайней мере, сравнить их с тем, что пишут европейские авторы.

Крестовые походы обрушились на мусульманскую империю в критический момент ее истории. Волна арабских завоеваний уже прошла, а военная активность свелась к обороне. В это же время турки еще только наращивали свое военное господство в рамках мусульманской империи, готовясь начать свое великое наступление на христианский мир. Ислам пострадал от рук христиан во время византийских войн, особенно в X веке, однако эта яростная атака латинян, имеющая чисто религиозные причины, застала мусульман врасплох, в состоянии политического разброда, который помешал эффективной подготовке к войне. Формула Груссе – начальная мусульманская анархия против франкской монархии – есть точная характеристика ситуации в Сирии в последней декаде XI века и первой декаде века XII. Земля была разделена между соперничавшими эмирами, атабеками Сельджукидов и их вассалами. Фатимиды Египта слабо контролировали Палестину. В Багдаде халиф Аббасидов правил под опекой турецкого султана, и его величие представлялось бледной тенью того, что было при аль-Мансуре и аль-Мамуне. Правители Южной Сирии и военачальники Фатимидов в Палестине делали слабые попытки оказать сопротивление, но крестоносцы быстро распространились по империи, и противоборство им было неэффективным.

С середины XII века мусульманское сопротивление укрепилось в результате усилий Артукидов Мардина, Туктегина из Дамаска и, особенно, Занги и Нур ад-Дина, атабеков Мосула. Когда пограничное графство Эдесса пало под натиском крестоносцев, Занги сосредоточил внимание на Сирии с двойной целью – объединить ее под своей властью и оттеснить франков обратно к морю. Арабизм как политическая сила теперь имел лишь второстепенное значение. Династии, возглавлявшие контратаку, были турецкими (тюркскими) по расе, соци-

альной и военной организации, хотя их культура оставалась арабской. Приход к власти Саладина, с одной стороны, прервал, но с другой – продолжил движение к турецкому господству. Он имел курдское происхождение, получил образование и в турецкой, и в арабской культуре и придерживался глубоко ортодоксальных взглядов на веру и образ жизни. Он вернул Египет на традиционный путь, сделав центром своей империи, и придал новый авторитет арабизму. Два монарха сошлись в битве при Хаттине, и латинская корона Иерусалима рухнула в пыль.

Третий крестовый поход сумел остановить продвижение мусульман и поддержать пошатнувшиеся христианские государства в Палестине. Используя дипломатию и силу, Айюбиды аль-Адиль и аль-Камиль в середине века поддерживали равновесие. Они отразили натиск Пятого крестового похода и удержали Фридриха II в известных пределах, однако не смогли организовать эффективное контрнаступление против христианских государств. Эта задача досталась мамлюкским султанам, которые к середине XIII столетия отобрали контроль над Египтом у ослабевших Айюбидов. Этим не слишком цивилизованным воинам, усовершенствовавшим систему военного феодализма, введенную Сельджукидами и продолженную Айюбидами, ислам обязан освобождением и от монгольских вторжений (победа при Айн-Джалуте в 1260 году спасла Сирию), и от крестоносцев. Запад не мог вечно сохранять свою искусственную империю за Средиземным морем. Папство направило возвышенный религиозный импульс первых Крестовых походов на службу собственным интересам в борьбе за власть в Европе, сделав крест символом на флаге, который несли в бой против христиан-еретиков (в Крестовом походе против альбигойцев и войне против Гогенштауфенов). И теперь ему пришлось беспомощно наблюдать, как Антиохия, Триполи и Акра рушатся друг за другом, и мусульмане возвращают себе контроль над Палестиной. Последний рубеж тамплиеров на Святой земле был также, хотя они об этом не знали, преддверием катастрофы, которая постигла их на западе.

Два богатых событиями века, которые привели весь христианский мир в состояние конфликта с исламом (хотя греческая церковь стала невинной жертвой западных дипломатических просчетов) на территории, которую мусульмане удерживали в течение пяти столетий, подробно описаны трудолюбивыми мусульманскими историками.

Мы используем термин «мусульманские», потому что многие авторы не были арабами по рождению, однако термин «арабские» оправдан на основании использованного языка (персидские историки и те немногие, что писали на турецком языке, не добавили почти ничего к истории Крестовых походов). Можно говорить и «арабо-мусульманские», имея в виду вдохновлявший этих авторов дух. Правда, арабоязычные христианские историки Египта тоже внесли свою лепту.

Франкские вторжения – так мусульмане называли вторжения европейских христиан, в отличие от византийских Руми. Несмотря на вызванные франкскими вторжениями хаос, огромные потери и высокую цену, заплаченную исламом за сопротивление, которое в конечном счете привело к победе, они никогда не были для мусульманских хронистов отдельной темой, рассматриваемой изолированно. Несмотря на безусловную важность для Востока, как и для Запада, Крестовые походы всегда включались в привычные литературные формы, им уделялось место в анналах всеобщей истории, а также в биографиях мусульманских исторических личностей и династий, позиционировавших себя как сторонники веры. Можно изучить множество мусульманских исторических трудов, но так и не найти отдельной «Истории войн против франков».

Такую работу, однако, можно создать, соединив и сопоставив материалы из разных типов исторических трудов этого периода. Сначала идет общая история мусульманского мира, к примеру классический труд ибн аль-Атира, менее известные анналы Сибт ибн аль-Джаузи и ибн аль-Фурата, а также более поздние компиляции. Далее можно привести хроники городов и регионов: ибн аль-Каланиси, писавшего о Северной Сирии, Камаль ад-Дина – о Месопотамии, истории регионов и их династий, такие, как писали аль-Макризи и ибн Васил, и чисто дина-

стические труды, которые писал Абу Шама. Наконец, существуют жизнеописания и записи о деяниях отдельных лиц. Среди них можно назвать биографии Саладина (авторы – Имад ад-Дин и Баха ад-Дин), и официальные жизнеописания первых мамлюкских султанов, принадлежащие перу ибн Абд аз-Захира. Уникальная работа, имеющая огромное историческое и литературное значение, – автобиография Усамы. Отметим исключительное многообразие стилей. Одни труды представляют собой сухое перечисление фактов, другие написаны помпезной рифмованной прозой. Одни являются грамотными и точными, другие – всего лишь искусственная компиляция неподтвержденных фактов. Все их, как и следовало ожидать, объединяет презрительное и враждебное отношение к нечестивым фанатикам-неверным, которые вторглись на земли ислама.

Крайне малочисленны аналитические обзоры и комментарии, касающиеся военных целей противников. Соответствующая полемика была популярна лишь в течение короткого периода мирных переговоров Третьего крестового похода. Присутствие вооруженного врага на мусульманской территории могло вызвать только один ответ – военные репрессии, одобренные Кораном, который призывал правоверных не ослаблять натиск на врагов, пока они не будут или уничтожены, или обращены в истинную веру. Не могло быть настоящего мира с франками или любыми другими неверными – только временное перемирие, когда это было целесообразно или необходимо. Известному миру – или перемирию – 1192 года между Ричардом и Саладином противились очень многие мусульмане – в принципе, если не в сущности. Двести лет Крестовых походов не могли пройти в постоянных военных действиях. Разумеется, были мирные периоды, а в XII веке даже возникали «нечестивые союзы» между мусульманами и христианами против единоверцев той или другой стороны (ибн аль-Каланиси откровенно описывает самый скандальный из таких союзов – между франками и Дамаском, – призванный остановить продвижение Занги в 1140 году).

Однако мир не является излюбленной темой мусульманских историков – впрочем, других историков тоже. Мусульманским рассказам о Крестовых походах нет конца, они зачастую являются монотонными описаниями сражений, вылазок, засад, набегов. Убийства, грабежи, разрушения – самые распространенные слова в рассказах о священных войнах. Меняются только имена участников. Если ранние историки описывали падение прибрежных городов Сирии и их переход в руки франков в огне, хаосе и крови, двумя столетиями позже описываются те же сцены, зачастую такими же словами, но только роли поменялись. *Qui gladio ferit gladio perit* – поднявший меч от меча и погибнет. Хотя нельзя не восхищаться отвагой и самопожертвованием участников сражений, качествами, которые проявляли обе стороны. Самые ожесточенные конфликты за два века имели место во время Третьего крестового похода, при Хаттине и осаде Акры, когда противоборствующие стороны действовали на грани возможностей, сражения были самыми масштабными, а их последствия – драматичными. Даже однообразные военные хронисты испытали воодушевление. Их рассказы о повседневной жизни в лагере Тверии, о сражениях не на жизнь, а на смерть у стен Акры, стремительных маршах и хитроумных маневрах чем-то похожи на религиозные эпосы. Не менее важны, хотя иногда утомительно перегружены подробностями и несколько запутанны повествования о длительных мирных переговорах.

Двести лет христианство и ислам сражались лицом к лицу на Святой земле. Эти официальные враги вели нескончаемые военные действия, прерываемые только короткими и опасными перемириями. Такое официальное отношение было принято мусульманскими историками того времени и определило ограниченность их подхода. Они не выказывали интереса к социальной, экономической и культурной организации франкских государств. Иногда довольство собой или презрение заставляло историков упоминать случаи, когда более высокая исламская культура и образ жизни оказали влияние на противника. К примеру, в биографии Саладина упомянут правитель Шакиф-Арнуна. Он говорил по-арабски, изучал литературу и

исламское право, но все свои знания употреблял лишь на попытки обмануть противника (а Саладин, этот благородный принц, наказал его всего лишь заключением). Единственный намек на интерес к франкским обычаям, идеям и образу жизни присутствует в автобиографии не имевшего предрассудков Усамы. Его рассказы присутствуют в этой книге. Когда средневековый мусульманин пишет о христианских верованиях или ритуалах, они, как правило, становятся гротескной карикатурой, основанной на ложных представлениях, которую можно сравнить только с христианскими рассказами о мусульманских верованиях и практиках. В этом отношении обе стороны платят друг другу той же монетой. Крестовые походы оказались абсолютно неэффективными, как средство познакомить каждую из сторон с лучшими аспектами веры другой стороны. Из мусульманских источников также ясно, что тот мизерный обмен людьми и идеями, который все-таки происходил, практически всегда был инициативой франков. Вильгельм Тирский, изучивший арабский язык и написавший историю Востока (ныне утраченную) на основании арабских источников, не имеет аналога в мусульманском лагере.

Больше всего интереса мусульманские историки проявляют к своей стороне и своим героям. Этот аспект их трудов, дополняя европейские источники, представляет наибольший интерес для западных читателей. В первых главах арабские историки приводят откровенный и ясный обзор успеха Первого крестового похода (есть только язвительный отрывок у Камаль ад-Дина, обвиняющего соперничающих эмиров Сирии в слепых и эгоистичных действиях – поддержке франкского вторжения и получении от этого выгоды). Они пишут с облегчением, хотя и сдержанно, о претензиях на законность, которые выдвигались, о подъеме великих поборо-ников исламского сопротивления: Туктегина, Занги, Нур ад-Дина, Саладина. Отчаянная оборона Дамаска от осаждающих его франков – замечательный пример сопротивления в открытых военных действиях местных войск и городского ополчения. Вскоре после этого, все еще на первом этапе войны, Зангиды, Айюбиды и мамлюки поочередно брали на себя ответственность за организацию обороны, что, теоретически, являлось обязанностью халифа Багдада. Халифат, ставший собственной тенью, в ходе Крестовых походов исчез полностью. Халифы не делали ничего более эффективного, чем рассылали благочестивые наставления и проповеди, а еще поздравления одержавшим победу поборникам веры. Анналы антикрестового похода содержат сведения об определенных мусульманских династиях – Зангидах, мамлюках и ряде других, – члены которых несли на своих плечах тяжкую ношу священной войны. Делали они это по самым разным причинам, как религиозным, так и политическим, и даже жертвовали жизни за веру. Понятно, что хронисты, руководствуясь благочестием, благодарностью и преданностью династии, не скупились на похвалы.

Самой впечатляющей фигурой из них, вызывавшей восхищение даже у врагов, был, конечно, Саладин. Его происхождение туманно, а взлет к власти – стремителен. Судьба предназначила ему, на беду или на счастье, роль живого олицетворения власти и престижа, и одновременно благородства и гуманности восточной цивилизации Средневековья. В то же время он был нестигаемым защитником традиционного ислама. Его описание как мусульманского *optimus princeps*, данное Баха ад-Дином и Имад ад-Дином, представляет нам скорее благочестивого правителя, чем отважного рыцаря, и оно никак не объясняет восхищения, которое этот человек вызывал у своих современников и преемников, друзей и врагов. Но легенда, наделившая его местом в «Чистилище» Данте, равно как и в великом множестве эпосов и сказаний, не прижилась в его собственной стране, где намного более известны и почитаемы деяния менее человеческого султана Бейбарса. В мусульманских хрониках присутствуют яркие повествования об обоих героях исламского контрнаступления, а еще – о Занги, Нур ад-Дине, аль-Камале и других великих защитниках веры.

Точная характеристика – одна из больших заслуг мусульманских историков. Она используется ими в коротких, но информативных описаниях лидеров франков. Проницательность Балдуина II, воинская доблесть Ричарда Львиное Сердце, неисчерпаемая энергия Конрада

Монферрата, дипломатия и скептическая ирония Фридриха II – все это было отмечено и подтверждено мусульманскими историками. Другие суждения представляются менее авторитетными; например, описание святого Людовика IX как хитрого негодяя: разве хитрость – закончить жизнь, прожитую в строгой вере и утопичном идеализме, в глупой экспедиции в Тунисе в разгар лета? (Тем не менее он предстает перед нами как живой в повествовании ибн Василя о его беседе с египетским представителем в тюрьме Мансуры.)

Арабские истории Крестовых походов сравнимы с их христианскими аналогами богатым собранием материалов и хронологической информацией (хотя информация не всегда последовательна и зачастую не совпадает с приведенной в европейских источниках), а также точностью характеристик. Мы не можем ожидать от них полной беспристрастности в отношении к врагу или глубины понимания и оригинальности. Высказанные ими взгляды – это взгляды средневековых мусульманских историков, которые колеблются между прагматизмом и механической пиетистической теологией. Лишь один человек выделяется из рядов старательных хронистов, представляясь настоящим историком, – ибн аль-Атир. Его репутация среди востоковедов снизилась из-за свободного и тенденциозного использования им источников. Но качества, которые снижают надежность его трудов, как документальных свидетельств, – это черты оригинального мыслителя, выдающегося среди множества пассивных компиляторов фактов.

Хотя для этого периода у арабов не было историка ранга Вильгельма Тирского, их общий уровень учености был выше, чем у большинства христианских современников. Следует отметить, что арабы в основном были опытнее в техниках своего творчества и более профессиональны в подходе. О причине этого уже говорилось. Арабские историки Крестовых походов, как правило, являются только частью общей исторической панорамы.

Данная книга никоим образом не является первой попыткой западных авторов показать иные аспекты Крестовых походов. После «Библиотеки крестовых походов (*Bibliothèque des Croisades*, Paris, 1822) Мишо, великий ученый Рейно, учитель Микеле Амари, создал «Арабские хроники» (*Chroniques Arabes*, Paris, 1829). В этом труде он собрал переводы и пересказы отрывков из произведений средневековых арабских историков. Они были взяты из манускриптов *Bibliothèque du Roi*, тогда еще не изданных. Эта новаторская работа, которой до сих пор пользуются неарабисты, являлась последовательным рассказом о Крестовых походах, созданным на основе арабских источников. Целью автора не являлось знакомство читателя с арабскими источниками ради них самих. То же можно сказать о части, названной *Historiens Orientaux* («Восточные историки») знаменитого сборника *Recueil des Historiens des Croisades*, опубликованного во второй половине XIX века под эгидой Академии надписей и изящной словесности. Восточную часть в основном редактировал Барбье де Мейнар, и пять томов, опубликованных в Париже в 1872–1906 годах, содержат отрывки (в оригинале и в переводе) таких историков, как ибн аль-Атир, Абу Шама и Абу-ль-Фида. Этот впечатляющий труд совершенно не приспособлен для чтения, как последовательный рассказ, и его также широко критиковали за плохой подбор отрывков, ошибки в тексте и переводах. Тем не менее он остается широко цитируемым источником, как для востоковедов, так и для специалистов по истории Средневековья.

Настоящая книга – очень скромный труд, по сравнению с упомянутыми выше, разумеется, содержит выдержки из них. Но большинство цитат взяты непосредственно из оригинальных текстов. В книге представлено пятнадцать авторов. Разумеется, ими не исчерпывается список мусульманских авторов, писавших о Крестовых походах, но выбраны наиболее важные представители разных литературных направлений.

Критерий выбора отрывков очевиден: историческая важность, человеческий или литературный интерес, занимательные или живописные детали, возможно не имеющие исторического значения, но помогающие создать яркий запоминающийся образ.

Вторая часть книги, посвященная Саладину и Третьему крестовому походу, по всем критериям является самой объемной. Мы надеемся, что книга в целом даст ясную в целом и точ-

ную в деталях картину периода, и, насколько позволяет объем книги, раскроет характерный стиль каждого автора.

Несколько месяцев я провел в компании мусульманских историков Крестовых походов, прочувствовал их яростную фанатичную враждебность к вере наших предков, их преданность и любовь к собственной вере и традициям, проникся их восхищением поборниками веры и мучениками, посвятившими себя ее защите. Я изучал мусульманский мир много лет, но, признаюсь честно, никогда не испытывал такого сочувственного понимания и уважения к этой цивилизации. Несмотря на все ее ошибки и неудачи, она обладала выносливостью, самоотверженностью, жертвенностью, удивительной гибкостью и способностью восстанавливаться и, главное, нестигаемой верой в абсолютный, данный свыше закон. Когда подобные качества демонстрирует противник, к ним нельзя относиться без уважения. Мы обязаны отдать им должное, не уклоняясь от фактов, и это вовсе не означает, что тем самым мы предаем свою веру.

Франческо Габриэли

Библиографическая справка

Современные истории Крестовых походов, написанные не востоковедами, использовавшими труды Рейно и сборник *Recueil*, – это R. Grousset, *Histoire des Croisades et du Royaume Franc de Jerusalem*, Paris, 1934–1936; S. Runciman, *A History of the Crusades*, Cambridge, 1951–1954, также следует упомянуть созданный Груссе популярный обзорный труд – *L'épopée des Crusades*, Paris, 1939. Отметим также книгу А. Waas, *Geshichte des Kreuzzuge*, Freiburg, 1956 и два тома масштабного труда по истории Крестовых походов под редакцией Ла Монте и Сеттона, над которыми трудился большой коллектив авторов: *The first hundred years, The later Crusades, 1189–1311*, Philadelphia, 1955, 1962.

Фундаментальная работа по мусульманской историографии и ее многообразию – F. Rosenthal, *A History of Muslim Historiography*, Leiden, 1952; обзор и общая оценка арабских историков Крестовых походов даны в С. Cahen, *La Syrie du Nord à l'époque des Croisades et la principauté franque d'Antioche*, Paris, 1940, p. 39–93. Еще я могу упомянуть свою главу *Historiography of the Crusades* в сборнике *Historians of the Middle East*, Oxford, 1962, p. 98–107. Отмечу также труды следующих авторов: H.A.R. Gibbs, J. Lraemer, B. Lewis.

Авторы и их труды

Ибн аль-Каланиси

Абу Йала Хамза ибн Аса дат-Тамими, известный как ибн аль-Каланиси (Дамаск, 465/1073–555/1160). Самый ранний арабский историк, писавший о Крестовых походах в своей хронике *Dhail ta'rikh Dimashq* (Приложение к «Истории Дамаска» Хилала ас-Саби). Эта работа, которая продолжает ас-Саби в том же манускрипте, охватывает период с 363/974 до 555/1160 года – года смерти автора.

В «Истории Дамаска» говорится и о Месопотамии, но в основном она посвящена истории Сирии и Дамаска, где ибн аль-Каланиси занимал разные муниципальные и административные должности. Его труд является информацией из первых рук касательно Первого и Второго крестовых походов, до входа Нур ад-Дина в Дамаск. Рассказ обстоятелен и точен и выражает некоторое пристрастие к династии Туктегина в Дамаске.

Стиль повествования аль-Каланиси сух и объективен, если не считать нескольких глав, написанных более стилизованной прозой. Его объективность в большинстве вопросов, рассказы очевидца о событиях, которые ему довелось пережить, и использование достоверных документов делают хронику ибн аль-Каланиси основным источником информации о первом периоде Крестовых походов.

Ибн аль-Атир

Изз ад-Дин ибн аль-Атир (555/1160 – Мосул, 630/1233) был выходцем из Месопотамии, самым знаменитым из трех братьев, хорошо известным мусульманам с арабским образованием. Его самый важный труд – *Kamil at-Tawarikh* («Совершенная история, или Собрание историй»). Это масштабная история всего мусульманского мира от арабских и иудейских легенд и домагометанского периода до 628/1231 года.

Для раннего периода (до начала XI века) он воспроизводит по большей части собрание ат-Табари. Но что касается последних трех веков, и, особенно, периода жизни самого автора, широта и гармоничность его суждений, богатство собранного материала и, главное, здравый личный взгляд на исторический процесс делают его свидетельства очень важным источником информации. Некоторые ученые считают аль-Атира единственным настоящим историком периода.

Столь выраженная индивидуальность также является причиной его недостатков как автора: тенденции иногда выказывать явное предпочтение династии Зангидов (Занги, Нур ад-Дин и его преемники), неточной хронологии и, временами, отсутствия уважения к источникам. Однако с этими оговорками можно только восхищаться целостностью его труда, который охватывает весь мусульманский мир от Трансоксианы до Магриба и Испании. В нем автор стремится проследить причинно-следственные связи событий, преодолевает трудности техники изложения хрониста и представляет нам факты ясно и убедительно.

Ибн аль-Атир был свидетелем Крестовых походов, хотя и не всегда сочувствующим, а также карьеры Сала-дина и использовал в качестве источников труды ибн аль-Каланиси, Баха ад-Дина и Имад ад-Дина. Ясность и простота его стиля, отсутствие архаизмов и декоративных элементов, отчетливое желание представить самые существенные факты создали ему репутацию главного историка поздних Крестовых походов.

Камаль ад-Дин

Камаль ад-Дин ибн аль-Адим (Алеппо, 588/1192 – Каир, 660/1262) был историком своего родного города. Он создал большой биографический труд, в наше время еще не опубли-

кованный (*Bughyat at-Talab*, «Желание студентов»), от которого сохранилась только часть, а также историю города (*Zubdat al-halab fi tarikh Halab*, «Сливки истории Алеппо»).

Эти труды основаны на собранных материалах, охватывающих период до 641/1243 года. Его труды были для Алеппо XII и XIII веков тем же, что хроники ибн аль-Каланиси для Дамаска XII века. Для историков Крестовых походов они являются арабским взглядом на события в Северной Сирии.

Усама

Усама ибн Мункыз, эмир Шайзара (Шайзар, 488/1095 – Дамаск, 54/1188) – один из самых интересных сирийских арабов, живших в эпоху Крестовых походов. Он был человек действия и писатель, отличный наездник и охотник, любитель книг и придворный, а также беспринципный политический интриган. Большую часть своей жизни он контактировал с франками, эмирами Сирии и Фатимидами – халифами Египта, но в конце концов умер в полном забвении.

Своей репутацией он обязан автобиографии (*Kitab al-Itibar*, «Книга назидания с иллюстрациями»), которая дошла до нас в неполном манускрипте, хранящемся в библиотеке Эскориала. Это искренний, хотя и многословный автопортрет, а также кладёшь анекдотичной информации о мусульманах и франках, современниках автора. К сожалению, сохранилась лишь часть его богатого литературного наследия, в том числе *Kitab al-Asa* («Книга посоха»), сборник традиционных арабских анекдотов, рифм, высказываний и поговорок. В настоящем издании присутствуют выдержки из этого труда.

Баха ад-Дин

Баха ад-Дин ибн Шаддад (Мосул, 539/1145–632/1234) поступил на службу к Саладину в 1188 году, стал кади для армии и остался преданным членом султанской свиты до самой смерти Саладина. При его непосредственных преемниках он стал главным кади Алеппо. Его биография султана (*an-Nawadir as-Sultaniyya wa l-mahasin al-yusufiyya*, «Султанские анекдоты и достоинства Юсуфа», Юсуф – собственное имя султана) является отличным историческим и биографическим источником, написанным в духе искренней преданности и восхищения, без примеси грубой лести, и основанным на личных наблюдениях. Стиль прост и свободен от литературной искусственности. Баха ад-Дин дает нам самое полное описание Саладина – таким его видели мусульмане и яркую хронику Третьего крестового похода.

Имад ад-Дин

Имад ад-Дин аль-Исфахани (Исфахан, 519/1125 – Дамаск, 597/1201) был секретарем Нур ад-Дина, а потом Саладина, работал в канцелярии при кади аль-Фадиле. Он был ученым и ритором до мозга костей и оставил ценные труды – сборник арабской поэзии XII века, разные исторические произведения, написанные от начала до конца в самом витиеватом и искусственном стиле, на какой только способен язык: белый и рифмованный стих, бесконечная череда аллитераций, метафор и двусмысленностей. Эта трудная и скучная литературная форма заставила других составителей антологий, таких как Абу Шама, приводить лишь основной смысл произведений Имад ад-Дина, однако встречаются чрезвычайно важные исторические факты, не включенные в такие синопсисы, и, чтобы их узнать, нам приходится обращаться к оригиналу. Известен исторический труд Имад ад-Дина о падении Иерусалима, охватывающий период до смерти Саладина (*al-Fath al-qussi fi l-fath al-qudsi*, что можно перевести как «Цицероново красноречие о завоевании Святого города», – высокопарный стиль виден даже в названии). Также мы знаем часть *barq ash-Shami*, или «Сирийская молния», которая фиксирует жизнь Саладина и его деяния, начиная с 1175 года. В этих трудах современные исследования выявили – под слоем невозможного стиля – важные сведения о карьере Саладина, а также

событиях в Сирии и Месопотамии, которых Имад ад-Дин был участником и которые он описал обстоятельно, точно и трудолюбиво. Тем не менее нам приходится смириться с фактом, что в выбранных отрывках конкретные детали отчасти теряются под ворохом словесного мусора.

Абу Шама

Шихаб ад-Дин Абу-ль-Касим Абу Шама (Дамаск, 599/1203–665/1267) – филолог, преподаватель и трудолюбивый составитель антологий. Его *Kita bar-Raudatain*, «Книга двух садов», касающаяся династий Саладина и Нур ад-Дина, объединяет ценные материалы, для большинства которых у нас также есть первоисточники. Он цитирует (ссылается) работы ибн аль-Каланиси, Имад ад-Дина (переработанные до более скромного и терпимого стиля), Баха ад-Дина, ибн аль-Атира и др. Самыми важными для нас являются его цитаты из не дошедших до нас трудов шиитского историка Алеппо ибн аби т-Тайи (Ibn Abi t-Tayy), среди прочего автора биографии Саладина. «Книга двух садов» также воспроизводит многочисленные документы из канцелярии Саладина, большинство из них от главного секретаря, от которого также осталось собрание личных писем.

Манакиб Рашид ад-Дин

Мы используем это имя для ссылки на писателя из исмаилитской секты в Сирии – ассинов. «Добродетели нашего господина Рашид ад-Дина» – так можно перевести название его труда, это собрание воспоминаний и анекдотов о лидере исмаилитов в Сирии, которого звали Рашид ад-Дин Синан. Он был современником Саладина. Эти записи, в которых нравоучениям придается намного больше важности, чем исторической информации, были собраны в 1324 году скромным членом секты по имени шейх Абу Фирас из Майнаки. В то время влияние исмаилитов уже шло на убыль. Отрывок, переведенный в этой книге, если приподнять завесу легенды, оказывается рассказом об убийстве Конрада Монферрата.

Ибн Васил

Джамал ад-Дин ибн Васил (Хамат, 604/1207–697/1298) занимал разные посты при последних Айюбидах и первых мамлюках. В 1261 году он был послом Бейбарса при дворе Манфреда, и завершил свою карьеру главным кади своего родного города. Его главный труд (*Mufarrij al-Kurub fi akhbar Bani Ayub*, «Рассеиватель тревог, касающихся истории Айюбидов») по большей части повествует о карьере Саладина, но начинается с Зангидов и завершается после Саладина мамлюками – до 680/ 1282 года.

Сибт ибн аль-Джаузи

Внук более раннего хрониста ибн аль-Джаузи был известным проповедником, прожившим всю жизнь в Дамаске при Айюбидах (Багдад, 582/1186 – Дамаск, 654/1256). Его пространная и масштабная всеобщая история (*Mirat az-zaman*, «Зеркало времен»), два варианта которой дошли до нас, чрезвычайно важна, поскольку только из нее нам известно о некоторых событиях сирийской истории. Этой работе, к примеру, мы обязаны интереснейшими подробностями о визите Фридриха в Иерусалим, а также нашими знаниями об осаде Дамаска крестоносцами веком раньше.

Тарих Мансури

Хроника, повествующая о событиях до 631/1233 года, неизвестного чиновника при дворе Айюбидов в Сирии, некоего Абу-Фадашда из Хамата, посвящена аль-Малику аль-Мансуру, эмиру Химса, отсюда и название – Мансурова хроника. Она представляется важной, поскольку излагает некоторые факты визита Фридриха II на Святую землю, а также конца мусульман

на Сицилии, как описано сицилийскими арабами, которые прибыли в Сирию как эмиссары и беженцы. Эти ценные фрагменты были отредактированы Амари.

Ибн Абд аз-Захир

Мухий ад-Дин ибн Абд аз-Захир (Каир, 620/1233–692/1293) был секретарем мамлюкских султанов Бейбарса и Калауна, компилятором официальных актов канцелярии и позднее их биографом на основе собранных им материалов. Части биографии Бейбарса (*Sirat al-Malik az-Zahir*) до сих пор существуют, равно как и антология, собранная его племянником Шафи аль-Аскалани. Большую часть биографии Калауна можно найти в анонимном труде *Tashrif al-ayyam wa l-usur bi-sirat as-Sultan al-Malik al-Mansur* («Чествование лет и дней через жизнь султана аль-Малика аль-Мансура»). Ибн Абд аз-Захир также создал жизнеописание сына Калауна – аль-Ашрафа, покорителя Акры, фрагмент которого был опубликован. Остальная работа этого автора пока не опубликована, несмотря на ее важность, как свидетельства очевидца, а также поскольку она содержит ценные официальные документы (письма, договоры и т. д.). Естественно, угодливость автора в отношении своих хозяев заставляет использовать его информацию с осторожностью.

Ташириф

См. ибн Абд аз-Захир

Макризи

Таки ад-Дин аль-Макризи (Каир, 776/1364–845/1442), великий ученый и собиратель древностей, собрал ценные материалы по исторической топографии Египта. Важным для нас является один из его исторических трудов, который почти полностью составлен из произведений других авторов (ибн Васил, Сибт ибн аль-Джаузи, ибн Абд аз-Захир и др.). Он является воистину ключевым при современном состоянии наших знаний. Его *Kitab as-sulukh fi marifat tarikh al-mulukh* – «Торная дорога для познания царских династий» – включила историю Айюбидов и мамлюков с 577/1187 до 840/1436 года. В ней можно найти описание двух франкских экспедиций в Египет и описание финальной победы мамлюков в Сирии.

Ибн аль-Фурат

Назир ад-Дин ибн аль-Фурат (Каир, 735/1334–807/1405) был, как Макризи и почти все его современники, составителем антологий. Их важность зависела от тех источников, которые они использовали. Его *Tarikh ad-duwal wa l-muluk* – «История династий и королей» содержит интересные материалы о ранних мамлюках до конца XIV века. Также важным является список цитат из не дошедших до нас трудов шиитского историка Алеппо ибн аби т-Тайи (Ibn Abi t-Ta'ayy) о жизни и временах Саладина.

Аль-Айни

Бадир ад-Дин аль-Айни (Айнтаб, 762/1360 – Каир, 855/1451) был мамлюкским чиновником и придворным, а также филологом и исследователем хадисов. Он также стал составителем всеобщей истории *Iqd al-Juman fi tarikh ahl az-zaman* – «История человечества в разные эпохи», к которой обычно обращаются в поисках источников, пока не приписанных известным авторам или к которым нет прямого доступа.

Абу-ль-Фида

Абу-ль-Фида Имад ад-Дин Исмаил ибн Али аль-Айюби, *Абулфида* арабистов XVIII и XIX веков, вызывающая расположение фигура, эмир и литератор (в стиле Усамы). Он принадлежал к дому Айюбидов после того, как он утратил власть, вытесненный из Сирии и Египта

мамлюками. Он заставил их признать свои права на Ха-мат, где правил, имея титул аль-Малик аль-Муайяд до самой смерти. Его два основных литературных труда – по истории (*Mukhtasar tarikh al-Bashar* – «Краткая история рода человеческого») и по географии (*Takwim al-Buldan* – «Упорядочение стран») – были среди первых сочинений арабской литературы, ставших известными и частично изданными в Европе после начала здесь современного движения арабистов. Это привело сначала к переоценке значения этих двух антологий, которые впоследствии были почти полностью вытеснены обнаруженными более старыми оригиналами. Часть истории, касающаяся времени жизни автора, сохраняет интерес. Он видел, будучи молодым человеком, падение Триполи и Акры и стал очевидцем трагического конца Крестовых походов.

Абу-ль-Махасин

Абу-ль-Махасин ибн Тагрибирди (Каир, 813/1441–874/1468) был одним из большой группы воинов и ученых, которые процветали в эпоху мамлюков. Его знаменитая история Египта – *An-Nujum az-Zahira fi muluk Misr wa l-Kahira* – «Блестящие звезды владык Египта и Каира» – масштабная хроника египетской истории до 857/1453 года. Но она целиком является антологией трудов, написанных другими авторами. Его рассказ об осаде и падении Акры при аль-Ашрафе (из современного источника), в сравнении с повествованием Абу-ль-Фида, представляется самым интересным из всех известных нам описаний этого события. В опубликованной биографии султана ибн Абд аз-Захира нет упоминания об этом событии.

Часть первая. От Годфруа до Саладина

Глава 1

Наши основные источники информации о Первом крестовом походе ибн аль-Каланиси из Дамаска и ибн аль-Атир из Месопотамии. Если ибн аль-Каланиси ограничивается хронологическим перечислением событий, то ибн аль-Атир рассказывает о разных этапах Крестового похода, увязывая их в общую картину христианского восстания против ислама, начиная с завоевания Испании и норманнского вторжения на Сицилию. Он дает самый полный и убедительный, если и не строго фактический рассказ о падении Антиохии и Иерусалима, создании христианских государств на Святой земле и первых попытках мусульман отомстить.

Франки захватывают Антиохию

Ибн аль-Атир

Сила франков впервые стала очевидной, когда в году 478/1085–1086 они вторглись на территории ислама и захватили Толедо и другие районы Андалусии. Затем в 484/1091 году они напали на остров Сицилия и покорили его (дата явно относится к концу Норманнского завоевания), после чего обратили свои взоры на африканское побережье. Некоторые из покоренных ими территорий впоследствии были отвоеваны, но, как вы увидите, у франков были другие успехи.

В 490/1097 году франки напали на Сирию. Вот как все начиналось. Балдуин, их король (этот Балдуин – *Bardawil* – мифический персонаж, собранный из разных Балдуинов Фландрии и Иерусалима; или же первого Балдуина ошибочно считали королем на западе), родственник Рожера-франка, который покорил Сицилию, собрал большую армию и послал сообщение Рожеру. В нем было сказано: «Я собрал большую армию и теперь направляюсь к тебе, чтобы использовать твои базы для покорения африканского побережья. Так мы с тобой станем соседями».

Рожер собрал своих приближенных, чтобы посоветоваться об этих предложениях. «Это будет хорошо и для них, и для нас, – решили они, – ибо таким образом эти земли будут обращены в истинную веру». Этот самый Рожер поднял одну ногу, громко пустил газы и заявил, что их совет ничего не стоит. Если эта армия придет, ей понадобится много продовольствия, флот, чтобы переправить ее в Африку, и подкрепление. Если франкам удастся покорить эту территорию, им понадобится снабжение продовольствием с Сицилии. Это будет стоить годового дохода с урожая. Если у них ничего не выйдет, они вернутся сюда, и от них будут только неудобства и неприятности. А Тамим (эмир Туниса из Зангидов Тамим ибн Муиз) скажет, что он, Рожер, нарушил договор с ним, и дружественным, равно как и торговым отношениям с ним придет конец. Африка никуда не денется. Рожер решил, что, когда он будет достаточно силен, он сам ее захватит.

Он призвал посланца Балдуина и сказал: «Если вы решили воевать с мусульманами, лучше сначала освободите Иерусалим от их правления, и заслужите этим большие почести. А я связан обещаниями и договорами с правителями Африки». Итак, франки приготовились и решили напасть на Сирию.

Согласно другому варианту, Фатимиды Египта испугались, когда увидели, что Сельджукиды расширяют свою империю через Сирию до Газы, а Атзиз даже вторгся в Египет (генерал сельджукидского султана Малик-шаха, в 1076 году напавший на Египет из Палестины).

Поэтому они пригласили франков вторгнуться в Сирию и защитить Египет от мусульман (разумеется, Фатимиды тоже были мусульманами, но они были еретиками, выступавшими против суннитского ислама).

Когда франки решили напасть на Сирию, они направились на восток – к Константинополю, чтобы переправиться через пролив и попасть на мусульманскую территорию более простым сухопутным путем. Когда они подошли к Константинополю, император Востока отказал им в разрешении пройти через его владения. Он сказал: «Если вы сначала не пообещаете мне Антиохию, я не разрешу вам пройти в мусульманские земли». Его подлинным намерением было подбить их напасть на мусульман, поскольку он был убежден, что турки, чью неодолимую власть над Малой Азией он видел, уничтожат их всех. Франки приняли его условие, и в 490/1097 году переправились через Босфор в Константинополе. Иконий и вся остальная территория, куда теперь двигались франки, принадлежала Кылыч Арслану ибн Сулейману ибн Кутлумишу, который преградил им путь своими войсками. Они прорвались (в районе Дорилея) в месяце раджаб 490/ июле 1097 года, перешли Киликию (буквально – земля сына Армена – так арабские авторы называют Малую Армению). Наконец, они дошли до Антиохии и осадили ее.

Когда Яги Сиян, правитель Антиохии, услышал об их приближении, он не знал, как поведут себя христиане города, поэтому вывел за стены одних только мусульман, чтобы они рыли траншеи, а на следующий день заменил их христианами, которым поручил продолжить работу. Когда они в конце дня собрались по домам, он не пустил их обратно. Антиохия ваша, сказал он, но вам придется оставить ее мне, пока я не увижу, что будет между нами и франками. Они спросили, кто защитит их женщин и детей, и правитель заверил, что позаботится о них. Тогда христиане Антиохии смирились со своей судьбой и в течение девяти месяцев, пока город оставался в осаде, жили в лагере франков.

Яги Сиян продемонстрировал небывалую смелость и мудрость, силу и рассудительность. Если бы все франки, которые умерли, остались живы, они бы заняли все земли ислама. Он защитил семьи христиан Антиохии, и с их голов не упал ни один волос.

Осада затянулась, и франки договорились с одним из защитников города, который отвечал за башни. Это был человек, делавший кирасы, по имени Рузбих (другой вариант чтения – Фируз), которого подкупили большой суммой денег и участком земли. Он работал в башне, которая стояла над рекой, в том месте, где она вытекает из города в долину. Франки заключили сделку с этим человеком – будь он проклят! – и он провел их к водным воротам. Франки открыли их и вошли в город. Еще одна банда франков забралась в башню по веревкам. На рассвете, когда больше 500 франков вошли в город, а защитники были утомлены ночным бдением, слышали звуки труб. Яги Сиян проснулся и спросил, что за шум. Ему сказали, что трубы играли в цитадели, а значит, ее, наверное, взяли. На самом деле звуки доносились не из цитадели, а из башни. Яги Сиян запаниковал. Он открыл ворота города и в ужасе бежал. С ним было не больше тридцати человек. К правителю прибыл командир гарнизона, но, узнав, что Яги Сиян бежал, он последовал его примеру, воспользовавшись другими воротами. Тем самым он оказал помощь франкам, поскольку, если бы он продержался еще час, с ними было бы покончено. Они толпой вошли в город через ворота, разграбили его и убили всех мусульман, которых встретили. Это случилось в первом месяце джумада 491/ апреле – мае 1098 года (3 июня, согласно европейским источникам). Что касается Яги Сияна, когда солнце встало, он успокоился и осознал, что успел удалиться на несколько фарсах от города (один фарсах – парсанг – около 4 миль). Он спросил своих спутников, где они находятся, и, услышав, что до Антиохии четыре фарсаха, жестоко раскаялся в том, что решил спастись, а не бороться с иноземцами. Он стал стенать и рыдать, понимая, что бросил на произвол судьбы своих жен и детей. Его горе было таким сильным, что он лишился чувств и упал с коня. Спутники попытались поднять его и усадить в седло, но не преуспели, и оставили его лежащим на земле, посчи-

тав мертвым, а сами отправились дальше. Он уже был при последнем издыхании, когда его нашел армянский пастух, убил, отрезал голову и отнес франкам в Антиохию.

Франки написали правителям Алеппо и Дамаска, что их не интересуют мусульманские города, за исключением тех, что раньше принадлежали Византии. Это был обман, рассчитанный на то, чтобы убедить этих правителей не помогать Антиохии.

Мусульманские нападения на франков и их результаты

Ибн аль-Атир

Когда Кавам ад-Даула Кербога (турецкий эмир Мосула) услышал, что франки взяли Антиохию, он собрал армию и пошел в Сирию, где разбил лагерь в районе Мардж-Дабик. Все турецкие и арабские силы в Сирии присоединились к нему, за исключением армии из Алеппо. Среди его сторонников были: Дукак ибн Тутуш (правитель Дамаска из Сельджукидов, которого вскоре сменил его военачальник, атабек Туктегин, чье имя следующее в списке, ставший самым активным и непримиримым противником крестоносцев во время первой фазы завоеваний), атабек Туктегин, Джанах ад-Даула из Химса, Арслан Таш из Санджара и другие, не столь важные эмиры. Когда франки услышали об этом, они встревожились и испугались, потому что их армия была уже слабой, и ей не хватало продовольствия. Мусульмане наступали и оказались лицом к лицу с франками как раз перед Антиохией. Кербога думал, что кризис заставит мусульман сохранить лояльность ему, но настроил их против себя гордыней и дурным обращением. Они втайне сговорились предать его и покинуть в разгар сражения.

Взяв Антиохию, франки стояли там лагерем в течение двенадцати дней без еды. Богатые ели своих лошадей, а бедняки – падаля и листья с деревьев. Их лидеры, видя, что дело плохо, написали Кербоге, требуя безопасного прохода через его территорию, но тот отказался, заявив: «Вам придется пробиваться силой». Среди лидеров франков был Балдуин (впоследствии Балдуин II), Сен-Жиль, Годфруа Буйонский, будущий граф Эдессы, и Боэмунд Антиохийский. С ними был также святой человек, имевший на них большое влияние, который заявил, что Мессия закопал копье в Qusyan – большом сооружении в Антиохии (речь идет о церкви Святого Петра в Антиохии; в арабских источниках ее называют Qusyan, по имени человека, сын которого был воскрешен из мертвых святым Петром). «Если вы его найдете, то одержите победу, а если нет – умрете». Перед этим он закопал копье в определенном месте и скрыл все следы. Он заставил франков поститься и каяться в течение трех дней, а на рассвете четвертого дня повел их к месту, где закопал копье, и они его выкопали (такой видит находку священного копья с участием Петра Бартоломео, мусульманин-рационалист). После этого он воскликнул: «Возрадуйтесь! Ваша победа обеспечена!» И на пятый день франки покинули город группами по пять или шесть человек. Мусульмане сказали Кербоге: «Ты должен идти в город и убить их всех, когда они будут выходить. Легко поймать их сейчас, когда они разделились». Но Кербога ответил, что надо подождать, когда они выйдут все, и тогда их убить. Он не позволил людям атаковать врага, и, когда какие-то мусульмане убили группу франков, он лично позаботился, чтобы осудить такое поведение и предотвратить повторение. Когда все франки покинули город, и в Антиохии не осталось никого, они начали мощную атаку, и мусульмане бежали. Это была ошибка Кербоги. Сначала он отнесся к мусульманам с презрением, а потом не позволил убить франков. Мусульмане обратились в бегство, не нанеся ни одного удара и не выпустив ни одной стрелы. Последними бежали Сукман ибн Артук и Джанах ад-Даула, которые были посланы устроить засаду. Кербога спасся вместе с ними. Когда франки увидели это, они побоялись, что им устроили ловушку, поскольку не было никакого боя, от которого следовало бежать. И они не осмелились преследовать мусульман. Единственными мусульманами, которые держались твердо, были люди со Святой земли, которые сражались, ибо старались заслужить одобре-

ние Всевышнего, стать мучениками. Франки убивали их тысячами. Они разграбили их лагерь, унесли продовольствие, имущество, оружие, увели коней и присвоили все это себе.

Франки берут Мааррат-ан-Нуман

Ибн аль-Атир

Нанеся удар мусульманам, франки двинулись на Мааррат ан-Нуман и осадили его. Жители храбро защищали свой город. Когда франки поняли, что решимость и упорство защитников не сломить, они построили деревянную башню, высокую, как городские стены, и забрались на самый ее верх, но не причинили защитникам особого вреда. Однажды ночью нескольких мусульман внезапно охватила паника. Они по непонятной причине решили, что если забаррикадируются в самой высокой постройке города, то им будет легче себя защитить. Поэтому они спустились со стены и покинули позицию, которую защищали. Другие заметили их бегство и последовали их примеру, оставив большой участок стены незащищенным. Так одна группа следовала за другой, и вскоре вся стена осталась незащищенной, и франки забрались на нее, используя осадные лестницы. Их появление в городе привело мусульман в ужас, и они закрылись в своих домах. Три дня не прекращалась бойня. Франки убили больше 100 000 жителей и взяли несчетное число пленных. Захватив город, франки провели в нем шесть недель, после чего отправили экспедицию в Акру, которую осаждали четыре месяца. Хотя они проделали несколько брешей в стенах, взять город штурмом не смогли. Мункид, правитель Шайзара, заключил с ними договор об Акре, и они оставили ее, направившись к Химсу. Там правитель Джанах ад-Даула тоже заключил с ними договор, и они выступили к Акре мимо ан-Наварика. Однако Акру они не взяли.

Франки покоряют Иерусалим

Ибн аль-Атир

Тадж ад-Даула Тутуш (сирийский Сельджукид, брат Маликшаха) был господином Иерусалима, но отдал его, как фьеф, эмиру Сукману ибн Артуку, туркмену. Когда франки разгромили турок в Антиохии, бойня лишила их мужества, и египтяне, которые видели, что армии турок ослаблены дезертирством, осадили Иерусалим под командованием аль-Афдаля ибн Бадр аль-Джамали (визирь Фатимидов). В городе были сыновья Артука, Сукман и Ильгази, их брат Сунидж и племянник Якути. Египтяне доставили больше сорока осадных машин, обстреляли Иерусалим и проломили стены в нескольких местах. Жители оказали сопротивление, и осада и бои велись больше шести недель. В конце египтяне заставили город сдаться. Это было в месяце шабан 489 / августе 1096 года (если бы эта дата была верна, то не было бы связи с падением Антиохии; на самом деле египтяне взяли Иерусалим в 1098 году). Аль-Афдаль хорошо обошелся с Сукманом, Ильгази и их друзьями. Он дал им много денег и отпустил. Они отправились в Дамаск, а потом пересекли Евфрат. Сукман обосновался в Эдессе, а Ильгази отбыл в Ирак. Египетским правителем Иерусалима стал некто Ифтихар ад-Даула – который все еще был там во время, о котором мы говорим.

После тщетной попытки взять Акру осадой франки пришли к Иерусалиму и осаждали его шесть недель или больше. Они построили две башни, одну из которых, расположенную возле Сиона, мусульмане сожгли и убили всех, кто был в ней. Она еще продолжала гореть, когда прибыл гонец с просьбой о помощи. Он же принес весть, что другая часть города пала. На самом деле Иерусалим был взят с севера утром в пятницу, 22-й день месяца шабан 492 / 15 июля 1099 года. Население было предано мечу франками, которые неделю грабили окрестности. Отряд мусульман забаррикадировался в *Mihrab Dawud* (в европейских источниках – Башня Давида, расположенная в цитадели; не путать с небольшим святилищем, носившим то

же название, в окрестностях Храма) и сражался несколько дней. Им обещали жизнь в обмен на капитуляцию. Франки сдержали слово, и эта группа мусульман ночью ушла в Аскалон. В *Masjid al-Aqsa* (мечеть аль-Акса) франки убили 70 000 человек, и среди них много имамов и мусульманских ученых, набожных людей и аскетов, которые покинули свои дома, чтобы вести благочестивую жизнь в Святом городе. Франки сняли с Купола Скалы сорок или больше серебряных канделябров, каждый из которых весил 3600 драм, и большую серебряную лампу, весившую сорок четыре сирийских фунта, а также сто пятьдесят серебряных канделябров меньшего размера и еще двадцать золотых. Было много и другой добычи (мусульмане, веря, что с этой скалы Мухаммед вознесся на небеса, построили над ней так называемую мечеть Умара, главный исламский памятник Иерусалима; отсюда и добыча). Беженцы из Сирии добрались до Багдада в месяце Рамадан. Среди них был кади Абу Сад аль-Харави. Они рассказали людям халифа историю, которая тронула их сердца и вызвала слезы. В пятницу они пошли в мечеть и попросили помощи, плача так, что те, кто был вокруг, тоже начинали плакать, слушая о страданиях мусульман в Святом городе: мужчин убивали, женщин и детей уводили в плен, дома разоряли. Из-за ужасных трудностей, которые им довелось пережить, им разрешили нарушить пост.

Разлад между мусульманскими принцами – мы в этом убедимся – позволил франкам завоевать страну. Абу л-Музаффар аль-Абиварди, иракский поэт X–XI веков, написал на эту тему несколько поэм, в одной из которых сказано:

Мы мешали кровь с текущими слезами, и в нас не осталось места для жалости.

Лить слезы – худшее оружие мужчины, когда мечи ворошат угли войны.

Сыны ислама, позади вас битвы, в которых головы падают к ногам.

Смеете ли вы спать в благословенной тени безопасности, где жизнь так же нежна, как цветок орхидеи?

Как может глаз прятаться под веками в то время, когда несчастья будят всех спящих?

Пока ваши сирийские братья могут спать только на спинах своих коней или в животах стервятников.

Должны ли чужеземцы богатеть на нашем бесславии, пока вы ведете приятную жизнь, как люди, чей мир в мире?

Когда пролита кровь, когда красивые девушки вынуждены от стыда закрывать лица руками.

Когда белые острия мечей красны от крови, и наконечники копий покрыты бурыми пятнами.

При звуке меча, ударяющего по копьё, волосы малых детей белеют.

Это война, и мужчина, который избегает водоворота, чтобы спасти свою жизнь, должен покаянно скрипеть зубами.

Это война, и неверный сжимает в руке обнаженный меч, готовясь снести нам головы.

Это война, и тот, кто лежит в гробнице Медины, кажется, призывает: «О сыны Хашима!» (пророк из могилы упрекает своих потомков (сынов Хашима), то есть недостойных халифов, не проявляющих энтузиазма в сопротивлении крестоносцам).

Я вижу, что мой народ не спешит направить копья против врага, я вижу, что наша вера опирается на слабые столбы.

Боясь смерти, мусульмане избегают огня сражения, отказываются верить, что смерть непременно найдет их.

Должны ли тогда арабские воины покорно страдать, пока храбрые персы закрывают глаза на свое бесчестье?

Захват Боэмунда Антиохийского

Ибн аль-Атир

В месяце зулькада этого года (493 / сентября 1100) Кумуштикин ибн ад-Данишманд Таилу, правитель Малатии, Сиваса и других территорий, встретил Боэмунда франка, одного из франкских лидеров, возле Малатии. Прежний правитель Малатии имел договор о дружбе с Боэмундом и попросил его о помощи. Боэмунд прибыл с 5000 человек, но был разбит в сражении и взят в плен ибн ад-Данишмандом. Тогда семь франкских графов прибыли из-за моря, чтобы освободить Боэмунда. Они подошли к крепости, названной Анкурийя, взяли ее и убили всех мусульман, которые в ней были, после чего перешли к другому форту и осадили его. Исмаил ибн ад-Данишманд, защищавший форт, собрал большую армию, устроил им засаду и бросил вызов в бою. В сражение вступили крупные силы, и из 300 000 франков только 3000 сумели спастись. Но и они были ранены и измучены. Ибн ад-Данишманд напал на Малатию, захватил ее и пленил правителя. Франкская армия вышла из Антиохии, чтобы бросить ему вызов, но он вступил в бой и разбил ее. Все это случилось в течение нескольких месяцев.

Смерть Годфруа и последовавшие за ней завоевания франков

Ибн аль-Атир

В этом году (491/1100) Годфруа, франкский король Сирии, правитель Иерусалима, пошел на прибрежный город Акра и осадил его, но был убит стрелой (все мусульманские источники утверждают, что Годфруа был убит в бою). До своей смерти он укрепил город Яффа и передал его франкскому графу по имени Танкред. После смерти Годфруа его брат Балдуин пошел на Иерусалим. С ним было 500 воинов конных и пеших. Когда ибн Дукак, правитель Дамаска, услышал об этом, он повел свою армию против них. С ним был Джанах ад-Даула из Химса. Вместе они разбили франков.

В том же году франки взяли Сарудж в Месопотамии. В их руках уже была Эдесса, по соглашению с жителями, большинство которых были армяне, и только несколько мусульман. В это время Сукман собрал большую армию туркмен в Сарудже и напал на франков, но потерпел поражение. Это было в первом месяце раби / январе-феврале 1100 года. Когда франки разбили мусульман, они пошли на Сарудж, осадили его и взяли. Они убили большинство мужчин, увели в рабство женщин и разорили город. Только те, кто сумели заблаговременно выбраться из города, спаслись.

В том же году франки взяли порт Хайфа, что недалеко от Акры, и изгнали население. В месяце раджаб / мае они атаковали и взяли Кесарию, убили население и разграбили город.

Франк Сен-Жиль осаждает Триполи

Ибн аль-Атир

Франк Сен-Жиль (Раймунд де Сен-Жиль, граф Тулузы и основатель франкской династии в Триполи) и Кылыч Арслан ибн Сулейман ибн Кутлумиш, правитель Икония, сошлись в сражении. У Сен-Жилля было 100 000 человек (едва ли стоит указывать, что это нелепое преувеличение, как это часто бывает с данными мусульманских хронистов), а у Кылыч Арслана только несколько. В бою франки были разбиты, многие убиты или взяты в плен, и Кылыч Арслан вернулся домой с добычей от этой неожиданной победы. Побежденный Сен-Жиль удалился в Сирию, имея при себе только 300 человек. Правитель Триполи Фахр аль-Мульк ибн Аммар послал к эмиру Яхузу, который правил Химсом для Джанаха ад-Даула, и к Дукаку ибн

Тутушу, правителю Дамаска, чтобы предложить им воспользоваться благоприятной возможностью – слабостью Сен-Жилля. Яхуз отправился лично, а Дукак послал 2000 человек, к которым присоединилось подкрепление из Триполи. Они собрались у ворот Триполи и вызвали Сен-Жилля на бой. Принц франков приказал сотне своих людей напасть на отряд из Триполи, другой сотне – на армию из Дамаска. Еще 50 человек напали на отряд из Химса. 50 человек он оставил при себе. Люди из Химса бежали, едва увидев противника, за ними последовали люди из Дамаска. Только люди из Триполи были тверды и дали бой. Когда Сен-Жилль понял, что происходит, он возглавил отряд из 200 других франков, который напал на мусульман, разогнал их и убил семь тысяч. Затем он осадил Триполи – ему помогло местное население с гор и из окрестных селений, которое было в основном христианским. Горожане упорно защищались, и 300 франков были убиты. Сен-Жилль заключил с ними договор, и в обмен на деньги и лошадей снял осаду Триполи и напал на Тортосу, что в той же провинции. Осада была успешной. Франки убили большую часть населения, после чего пошли к форту Ат-Тубан, что недалеко от Ранийи, где командиром был некто ибн аль-Арид. В битве, которая имела место, мусульмане одержали верх и взяли в плен одного из главных франков, за которого Сен-Жилль предложил выкуп в 100 000 динаров, и еще 1000 пленных, но предложение не было принято (в средневековом мусульманском мире существовали разные значения динара; «официальный» эквивалент – 4,25 грамма чистого золота).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.